

БОГОСЛОВІЕ И ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ ¹⁾.

Опыты разрѣшенія вопросовъ, касающихся пограничной области между богословіемъ и естествознаніемъ, конечно, не прекратятся до тѣхъ поръ, пока библія и природа составляютъ предметъ изученія. Чѣмъ спокойнѣе дѣйствуютъ изслѣдователи въ той или другой области, чѣмъ значительнѣе ихъ выводы и открытія и чѣмъ обширнѣе ихъ кругозоръ, — тѣмъ выше самый интересъ, возбуждаемый общими для обѣихъ наукъ вопросами. Мы живемъ въ такое время, когда, съ одной стороны, въ области точнаго естествознанія производятся горячія и обильныя результатами изслѣдованія; а съ другой — въ области богословской науки болѣе и болѣе выдвигается апологетика съ своими, не всегда удачными, опытами согласенія богословія съ естествознаніемъ. Думаемъ, что въ такое время не будетъ излишнею попытка, имѣющая свою задачу обратиться отъ периферіи пограничныхъ линій между этими науками къ основнымъ ихъ началамъ, и отсюда критически разсмотрѣть нѣкоторые изъ сдѣланныхъ доселѣ опытовъ разрѣшенія вопросовъ, сопряженныхъ съ тою и другою наукою, а также указать путь къ дальнѣйшему, наиболѣе правильному ихъ разрѣшенію. Позволяемъ себѣ надѣяться, что ясное разграниченіе доказаннаго отъ недоказаннаго и недостовернаго въ доселѣшнихъ гармонистическихъ попыткахъ и строгая послѣдо-

¹⁾ Изъ Jahrbücher für deutsche Theologie 1871 г. Band. XVI. Zweites Heft.

вательность въ примѣненіи указываемаго метода, могутъ хотя не много послужить къ соглашенію между богословіемъ и естествознаніемъ.

I.

Это соглашеніе между ними, само собою разумѣется имѣеть отрицательный характеръ, и первѣе всего должно состоять во взаимномъ условіи, чтобы каждая изъ этихъ наукъ шла своимъ собственнымъ путемъ и не позволяла себѣ вторгаться въ область другой, но вмѣстѣ, чтобы каждая изъ нихъ отъ вторженія другой науки защищалась въ своей собственной области. Такъ богословіе должно раскрываться изъ своихъ собственныхъ началъ, а отнюдь не изъ чужихъ, хотя бы эти послѣднія сами по себѣ были вѣрны, хотя бы наука богословская имѣла случаи такъ или иначе пользоваться ими и разбирать ихъ для своихъ цѣлей. Богословіе не должно ни вводить въ свою систему и полновластно разбирать такія положенія, которыя исключительно принадлежать естествоиспытательной наукѣ, ни навязывать ихъ ей. Тѣмъ менѣе оно должно допускать свою зависимость отъ этой послѣдней, принимать отъ нея такія положенія, которыя стоятъ въ противорѣчіи съ основными богословскими началами, или же наоборотъ пренебрегать положеніями, вытекающими изъ его началъ и очевидно внутреннею необходимостію. Точно такихъ же условій должно требовать для себя и естествознаніе.

Для предупрежденія ложнаго, мнимо-послѣдовательнаго примѣненія этихъ условій, считаемъ необходимымъ сдѣлать здѣсь замѣчаніе, что есть такіе естественно-научные факты, которые, хотя вовсе не относятся къ области собственно богословскихъ истинъ, тѣмъ не менѣе имѣютъ значеніе для богословія. Такіе факты богословіе всегда можетъ принимать отъ естествознанія, конечно, съ необходимою для каждой науки осмотрительностію. Равнымъ образомъ и естествознаніе, въ особенности тамъ, гдѣ

оно сводить результатъ своихъ точныхъ изслѣдованій, строить систему, дѣлаетъ общіе выводы, должно съ полною искренностію сознавать, что оно для своихъ высшихъ воззрѣній получаетъ живительный свѣтъ отъ тѣхъ идей, которыя берутъ свое начало въ истокахъ знанія богословскаго.

Основапіе для указаннаго нами разграниченія между этими науками и для дальнѣйшаго, положительнаго ихъ соглашенія заключается въ общемъ для каждаго научнаго знанія предположеніи, что, какъ эти обѣ науки, такъ равно и всѣ науки, имѣютъ одно и тоже, общее для всѣхъ начало познѣванія, и каждая въ частности имѣетъ свои особенныя, матеріально отличныя отъ другихъ, начала. Поэтому, какъ бы діаметрально ни расходились ихъ пути, ихъ единеніе всегда возможно, при увѣренности, что предметы ихъ изслѣдованій имѣютъ единого Виновника, а потому и самыя изслѣдованія не должны заключать въ себѣ разногласныхъ показаній. Св. Писаніе въ 18 псалмѣ величественно изображаетъ это единство Божественнаго откровенія въ библии и въ внѣшней природѣ, имѣющаго единого Виновника и единую цѣль—откровеніе славы Божіей. Вѣрующіе естествоиспытатели популярно, но тѣмъ не менѣе научно, такъ выражали это убѣжденіе: «природа и св. Писаніе, это двѣ книги, написанныя Богомъ и предложенныя для чтенія человѣку. Какъ произведенія Единого Виновника, онѣ не могутъ противорѣчить одна другой. Если же кажутся противорѣчащими, то причина этого мнимаго противорѣчія заключается въ томъ, что человѣкъ не правильно читаетъ или ту, или другую, или обѣ книги. Наша задача—научить лучше читать какъ ту, такъ и другую, и по мѣрѣ того, какъ намъ будетъ удаваться это, будутъ исчезать противорѣчія¹⁾».

Поставленное нами правило, чтобы каждая изъ этихъ двухъ наукъ, богословіе и естествознаніе, шла своимъ собственнымъ

¹⁾ Hugh Miller. Jahrbücher 1860. V. 4.

путемъ, имѣеть характеръ оборонительный и состоитъ въ выпрямленіи границъ между ними. Оно, какъ мы видѣли, утверждается на болѣе глубокомъ началѣ ихъ соглашенія. Держась этого начала, мы отвергаемъ цѣлый рядъ такихъ вторженій одной науки въ область другой, которыя не имѣютъ никакой важности ни для естественно-научнаго знанія, ни для религіозной жизни и богословской мысли, а только поселяютъ недовѣріе у одной науки по отношенію къ другой. Таковы сравнительно немногія вторженія изъ прежнихъ временъ, хотя они вновь появляются въ наши дни, какъ напримѣръ, теорія Кейля, относящая всѣ палеонтологическія открытія ко времени по сотвореніи человѣка, таковы въ особенности вторженія, допускаемыя въ апологетическихъ и естественно-научныхъ сочиненіяхъ настоящаго времени. Если при этомъ оказывается, что количество отвергаемыхъ нами вторженій со стороны богословія значительнѣе, нежели со стороны естествознанія, то это зависитъ отъ существа самаго дѣла. Когда естествознаніе принимаетъ направленіе, дѣлающее неизбѣжнымъ вторженіе въ богословскую область, тогда эта наука дѣйствуетъ по отношенію къ богословію въ интересѣ принципиальнаго отрицанія. А отрицаніе самыхъ принциповъ дѣлаетъ излишнимъ какія либо дальнѣйшія вторженія. Напротивъ, когда богословіе дозволяетъ себѣ уклоненія въ естественно-научную область, то оно вступаетъ на фантастическую почву гипотезъ, которая представляетъ безграничный просторъ для самыхъ разнообразныхъ видоизмѣненій. Для насъ было бы весьма желательно указывать въ нашей богословской области только удачные и вѣрные ходы ея дѣятелей; но если случится доказать ихъ ошибки, — будемъ утѣшать себя мыслию, что мы чрезъ то оказываемъ богословію услугу, содѣйствуемъ очищенію почвы для соглашенія, выравниенію пути къ дальнѣйшимъ работамъ, восстановленію довѣрія къ богословской мысли въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно было колеблемо.

Неотразимый постулатъ коренной гармоніи между обѣими

науками открываетъ для насъ канопъ, по которому можно судить, что надобно разумѣть подъ вторженіемъ одной науки въ область другой. Именно мы должны напередъ согласиться, что въ тѣхъ случаяхъ, когда одна наука дозволяетъ себѣ вторженіе въ область другой, уже потому самому, что дѣлаетъ вторженіе, высказываетъ мысль ложную, или по крайней мѣрѣ недоказанную, не только по отношенію къ чужой области, но даже и по отношенію къ своей собственной, потому что никакая наука не можетъ утверждать мысли, которая была бы ложною для одной и истинною для другой науки. Напримѣръ, положеніе, что сотвореніе міра огъ начала всѣхъ вещей до человѣка произошло въ продолженіе шести разъ взятыхъ двадцати четырехъ часовъ; или, что земля есть неподвижный пространственный центръ вселенной, около котораго вращаются всѣ міровыя тѣла; или, что міръ вѣченъ, — не можетъ быть истинно въ богословіи и ложно въ естествознаніи, и на оборотъ; но просто: оно или истинно, или ложно. Вопросъ только въ томъ, какой изъ этихъ двухъ наукъ принадлежитъ познаніе о его истинности; или, если каждая изъ этихъ наукъ можетъ что либо сказать о немъ, то — съ какой стороны можетъ познавать его та и другая.

Начнемъ наше критическое обозрѣніе, строго держась двухъ, показанныхъ выше условій.

А). Богословіе не должно ни вводить въ свою область и полновластно разбирать такія положенія, которыя исключительно принадлежатъ естествоиспытательной наукѣ, ни навязывать ихъ ей.

Прежде всего подлежитъ этому условію рѣшеніе вопросовъ о сотвореніи міра, о взаимномъ отношеніи между книгою Бытія и геологіею; надо сказать, что богословскія изслѣдованія весьма часто нарушали и теперь нарушаютъ это условіе.

По отношенію къ этимъ вопросамъ богословы принимаютъ различныя рѣшенія, судя по экзегетической и библейско-богословской точкѣ зрѣнія, на которой они стоятъ.

1) Начинаемъ съ такихъ экзегетовъ, которые въ 1-й главѣ книги Бытія видятъ описаніе происшедшаго въ шесть естественныхъ, земныхъ дней; защитники этого воззрѣнія, по своимъ библейско-богословскимъ основаніямъ, раздѣляются на два направленія.

Одни изъ нихъ держатся такой точки зрѣнія библейскаго богословія, которая даетъ имъ возможность не признавать, безъ ущерба богооткровенному характеру книги Бытія, объективной дѣйствительности библейскихъ шести дней творенія, и только удерживать изъ этого повѣствованія содержащееся въ немъ чистое и жизненное ученіе о Богѣ, а равно—истину божественнаго творчества и преемственное твореніе міра, и наконецъ истину богоподобія и назначенія человѣка. Защитники этого воззрѣнія—Ницшъ и родственная ему богословская школа, въ недавнее время преимущественно Римъ (Riehm) въ рецензіи на исторію творенія Шульца. Конечно съ этой точки зрѣнія невозможно никакое столкновеніе съ естествознаніемъ, все дѣло составляетъ чисто внутренний вопросъ богословія; но вмѣстѣ становится вѣтъ нашей задачи. Ф. В. Шульцъ, въ своей «исторіи творенія на основаніи естествознанія и Библии» (Гота. 1865) хотя признаетъ, что писатель 1-й главы Бытія разумѣетъ дни творенія въ смыслѣ дней естественныхъ; но въ самыхъ тваряхъ и послѣдовательности этихъ дней видитъ только изображеніе, соотвѣтствующее объективному ходу творенія, на самомъ дѣлѣ совершавшемуся въ теченіе продолжительныхъ періодовъ. Такіе богословы принадлежатъ къ представителямъ втораго воззрѣнія, которое библейскіе дни творенія принимаетъ въ размѣрахъ, выходящихъ за предѣлы естественнаго дня.

Другое богословское направленіе выходитъ изъ того же экзегетическаго предположенія, но, на основаніи своего библейско-богословскаго воззрѣнія, считаетъ необходимымъ, чтобы библейскому повѣствованію о дняхъ творенія строго соотвѣтствовала

объективная действительность самого хода произведенія тварей. Защитники этого воззрѣнія опять раздѣляются на два направле- нія. Именно для нихъ естественно-научныя доказательства пред- ставляются столь убѣдительными, что они не признають возмож- нымъ образованіе земнаго шара, со всѣми заключающимися въ немъ органическими остатками, въ продолженіе шести естествен- ныхъ дней; а потому образованіе геологическихъ формацій съ организмами, въ нихъ находимыми, относятъ ко времени послѣ, или до библейскихъ шести дней.

Единственный замѣтный представитель перваго воззрѣнія, со стороны протестантскаго богословія, *Кейль* въ статьѣ «бого- словскаго журнала» Дикгофа и Клифота 1860 г. и въ своемъ комментаріѣ на книгу Бытія. Его зрѣніе имѣетъ связь съ ста- ринною гипотезою, которая всѣ безъ исключенія окаменѣлости относитъ къ дѣйствию всемірнаго потопа. Кейль также приписы- ваетъ потопу существенное участіе въ образованіи геологическихъ формацій, но представляетъ, въ сравненіи съ этою гипотезою, дальнѣйшее развитіе въ томъ, что причины, образовавшія эти формаціи и заключившія въ нихъ организмы, не ограничивають временемъ потопа; но распространяетъ на весь періодъ отъ со- творенія человѣка до настоящаго времени. Тѣмъ не менѣе онъ поступаетъ съ отвагою, совершенно неприличною для богослова. Такъ онъ, наперекоръ естествознанію, оснаиваетъ доказатель- ность положенія, что слои формацій указываютъ на послѣдова- тельность времени ихъ образованія, что есть постепенность во времени появленія въ нихъ организмовъ. Кейль признаетъ этотъ результатъ чисто эмпирическихъ изслѣдованій, конечно, богатый идеями, за «комбинацію эмпирически извѣстнаго съ умозрѣніями, весьма проблематическаго достоинства». Не смотря на единодуш- ный голосъ всѣхъ естествоиспытателей, онъ стоитъ за однове- менное происхожденіе всѣхъ органическихъ классовъ и порядковъ, со включеніемъ человѣка, вмѣстѣ съ древнѣйшими организмами,

находимыми въ горныхъ породахъ, и ограничиваетъ все время развитія геологическихъ формаций, отъ древнѣйшихъ слоевъ, заключающихъ въ себѣ окаменѣлости, до настоящей поры, періодомъ, который начинается съ появленія челоуѣка. Всѣ эти положенія онъ утверждаетъ не потому, какъ самъ признается, чтобы къ этому понуждало его естествознаніе, наука, единственно способная подавать голосъ по этимъ вопросамъ (онъ, впрочемъ, предоставляетъ естествознанію обсужденіе нѣкоторыхъ второстепенныхъ фактовъ этого рода и рѣшенія немногихъ спорныхъ вопросовъ); но потому, будто эти положенія суть «постулаты библейскаго ученія о твореніи и библейской первобытной исторіи», — съ полнымъ сознаніемъ, что онъ болѣе или менѣе вооружаетъ противъ себя всѣхъ современныхъ геологовъ. Богословіе должно остерегаться такихъ воззрѣній, по которымъ оно, не оказывая ни малѣйшей услуги религіозной вѣрѣ и жизни, отстраняетъ себя отъ первыхъ и коренныхъ началъ взаимнаго соглашенія между науками, — по которымъ оно тѣмъ только отличается отъ богословскихъ противниковъ и судей Галилея, что не дозволяетъ себѣ, подобно имъ, дѣлать церковно-политическихъ выводовъ.

Другое воззрѣніе, именно то, которое относитъ геологическіе періоды ко времени до шести дней библейскихъ, предваряющему описанное во 2-мъ стихѣ 1-й главы книги Бытія состояніе *Тоу вабоу*, или совпадающему съ этимъ состояніемъ, — имѣетъ большее число защитниковъ. Естествоиспытатели *Шубертъ* и *А. Вагнеръ* благопріятствуютъ этому воззрѣнію потому, что здѣсь библейское повѣствованіе о твореніи и естествознаніе входятъ между собою въ соприкосновеніе только въ концѣ геологическаго періода, и естествознаніе удерживаетъ полную свободу въ обозначеніи всѣхъ древнѣйшихъ періодовъ. Съ своей стороны богословы *Курцъ* и *Генстенбергъ* расположены къ этому воззрѣнію потому, что оно, по видимому, разрѣшаетъ ихъ предположеніе о существованіи зла и смерти въ дочеловѣческомъ мірѣ животныхъ. Оно

даетъ возможность предполагать, что грѣхопаденіе ангеловъ или уже имѣло вліяніе на самое образованіе перваго, открытаго геологіею, міра, или покрайней мѣрѣ было причиною его гибели. Но, какъ бы осторожно ни вели свои дѣла защитники этого воззрѣнія, все-таки они не могутъ, не нарушая своего принципа, избѣжать весьма замѣтнаго вторженія въ чужую область; именно: между земными періодами, о которыхъ даютъ знать геологическіе слои, съ одной стороны, и временемъ появленія на землѣ человѣка, съ другой—они помѣщаютъ катастрофу всеобщаго разрушенія и новое шестидневное твореніе,—періодъ времени во всякомъ случаѣ весьма продолжительный для того, чтобы во 2 стихѣ 1-й главы Бытія находить соответствующее ему изображеніе; кромѣ того, при самомъ умѣренномъ представленіи, онъ во всякомъ случаѣ слишкомъ великъ для того, чтобы не оставить никакихъ замѣтныхъ слѣдовъ колоссальнаго разрушенія, и потомъ почти мгновеннаго процесса возстановленія бытія и жизни на всей землѣ, если не во всемъ мірѣ. Нѣтъ! Пока естественная наука ничего не знаетъ объ этой катастрофѣ, неизмѣримо превосходящей всѣ извѣстные перевороты,—пока существуютъ доказательства связи между спокойнымъ развитіемъ и насильственными, ни въ какомъ случаѣ однакожъ, не всеобщими переворотами, насколько объ этомъ сообщаетъ геологія,—пока палеонтологія съ убѣдительною очевидностію указываетъ на прогрессъ въ развитіи отъ нѣкогда бывшаго къ настоящему,—прогрессъ болѣе и болѣе выясняющійся съ каждымъ новымъ открытіемъ, (хотя до сихъ поръ, она еще не въ состояніи опредѣлить пункта, съ котораго человѣкъ появляется въ ряду сотворенныхъ существъ);—до тѣхъ поръ и естествознаніе, равно какъ и богословіе, имѣютъ полное право отвергать этотъ видъ теоріи реституціонизма. Попытка англичанина Д-ра *Пія Смита* объяснить все библейское повѣствованіе о шестидневномъ твореніи по отношенію къ нѣкоторой части Азіи еще болѣе обнаруживаетъ произвольность богословской гипотезы, при-

совокупляя къ естественно научной невѣроятности слишкомъ насильственное толкованіе священнаго текста.

Два новыхъ оттѣнка, которые принимаетъ этотъ видъ теоріи реституціонизма, ведутъ къ новымъ вторженіямъ въ чужую область.

Естествоиспытатели *Шубертъ* и *Вагнеръ*, подъ вліяніемъ первыхъ изданій сочиненія *Курца* «Библія и астрономія», объясняютъ состояніе, описанное во 2-мъ стихѣ 1-й главы кн. Бытія въ смыслѣ однократной катастрофы, которая произошла въ-мірѣ, открытою геологіею (для краткости будемъ называть этотъ міръ геологическимъ), разрушила его—въ слѣдствіе грѣхопаденія ангеловъ—и такимъ образомъ провела границу между геологическимъ и новымъ міромъ. Этотъ геологическій міръ, по ихъ мнѣнію, хотя произошелъ внѣ всякаго вліянія со стороны нравственнаго поврежденія ангеловъ, не имѣлъ для себя, однакоже, никакой будущности, былъ предопредѣленъ не къ переходу къ высшимъ и новымъ формамъ, а къ гибели. Погибель его произошла чрезъ катастрофу, уничтожившую всѣ органическія существа. Къ прежде указаннымъ неудобствамъ эта гипотеза присоединяетъ еще два новыя, по отношенію къ богословію и къ естествознанію. Первое состоитъ въ томъ, что она все-же не объясняетъ существованія смерти и зла до человѣка,—такого факта, на который указываетъ палеонтологія, и въ объясненіи котораго современные реституціоналисты ставятъ достоинство своей гипотезы; поэтому гипотеза не имѣетъ никакого богословскаго значенія. Несостоятельность ея въ естественно-научномъ отношеніи видна изъ того, что она доводитъ до крайности перерывъ между міромъ геологическимъ и настоящимъ, дѣлаетъ первый изъ нихъ непонятною и неразрѣшимою загадкою, и ту пропасть между ними, которою эта необычайная катастрофа раздѣляетъ ихъ эмпирически и по времени, гипотеза увеличиваетъ теоретически, до совершенной непонятности. Если Шубертъ и Вагнеръ въ исторіи развитія наукъ

планеты не преслѣдуетъ выводовъ своей гипотезы, но спѣшить перейти къ настоящему состоянію земли и ея обитателямъ; то эта непослѣдовательность, конечно, дѣлаетъ честь естествоиспытателямъ, а отнюдь не гипотезѣ, которая, кромѣ того, утверждается на весьма шаткихъ основаніяхъ экзегетическихъ и догматическихъ.

По этому-то *Курцъ*, со времени четвертаго изданія своего сочиненія «Библия и астрономія», сообщившій другой оттѣнокъ той же гипотизѣ рестигуціонизма, — думаетъ разрѣшить указанную трудность тѣмъ, что грѣхоназденіе ангеловъ относитъ не къ концу, а къ началу геологическихъ періодовъ, и такимъ образомъ заставляеть эти періоды развиваться подъ непрерывнымъ вліяніемъ злаго начала. Это развитіе, по нему, имѣетъ характеръ постепенно увеличивающагося поврежденія, которое достигаетъ своей крайней точки въ состояніи *тоу вабоу* (Быт. 1, 2). Конечно, *Курцъ* почитаетъ вѣроятнымъ, что все развитіе тѣхъ геологическихъ періодовъ и земныхъ слоевъ, и по времени и фактически, заключается въ предѣлахъ состоянія, описаннаго, какъ *тоу вабоу*. Онъ не затрудняется опредѣлять характеръ ископаемыхъ организмовъ, какъ чудовищъ, уродовъ, недоносковъ и вырожденъ творенія. Но вотъ естествознаніе, на основаніи тысячи и тысячи очевидныхъ фактовъ, утверждаетъ о всемъ этомъ совершенно противоположное. Оно не знаетъ въ геологическихъ періодахъ никакого дикаго, хаотическаго состоянія, напротивъ замѣчаетъ разнообразныя взаимныя отношенія между катастрофами, конечно, всегда насильственными, и состояніями безпрепятственнаго, спокойнаго развитія. Оно находитъ слѣды поразительныхъ плутоническихъ поднятій и вулканическихъ изверженій со всѣми возможными послѣдствіями подобныхъ катастрофъ, и подлѣ нихъ безчисленные слѣды тихихъ морей и озеръ, спокойныхъ береговъ, богатыхъ растительностію земныхъ полей съ весело играющею и роскошно согрѣвшею жизнію. Въ ископаемыхъ организмахъ оно

не только не видитъ чудовищъ и уродовъ, но встрѣчаетъ творенія нерѣдко изысканной красоты и нарядности. Рядомъ съ прекраснѣйшими естественными произведеніями настоящаго оно можетъ поставить равноцѣнные красоты изъ давно погибшаго міра; такъ же, какъ рядомъ съ чудовищными формами палеонтологіи—подобныя чудовища изъ настоящаго міра. вмѣсто постепенно увеличивающагося поврежденія геологическихъ періодовъ съ ихъ фауною и флорою, естествознаніе, напротивъ, открываетъ, несомнѣнный прогрессъ отъ низшихъ формъ къ высшимъ, отъ простыхъ къ сложнымъ и разнообразнымъ, увеличивающееся приближеніе организмовъ къ настоящему міру, увеличивающуюся подготовку земли для человѣка. Потому никто не можетъ отъ насъ потребовать, чтобы мы, ради несостоятельной въ своей сущности, эвзегетико-богословской попытки, стали обличать во лжи очевидныя показанія естественной науки и пожелали фактамъ, собственно ей принадлежащимъ, давать такое объясненіе, противъ котораго она возражаетъ на каждомъ шагѣ. .

Здѣсь кстати кратко упомянуть, ради новизны, объ одномъ страшномъ видоизмѣненіи реституціонной гипотезы, съ которымъ выступилъ *І. М. Гэртиеръ* въ сочиненіи «Библія и геологія», (Штутгартъ. 1867 г.). И онъ допускаетъ, что весь настоящий міръ сотворенъ въ шесть естественныхъ дней, а для наглядности дѣлаетъ расчетъ, что, напр. въ третій день было сотворено 150,000 родовъ растений, въ пятый—102,600 родовъ животныхъ и т. д. Для времени, предшествующаго атому творенію, онъ назначаетъ пять особенныхъ, до-человѣческихъ міровыхъ періодовъ, представляемыхъ переходными формаціями каменно-угольною, триасовою, юрскою съ мѣловою и третичною. Каждый изъ этихъ періодовъ продолжается, по его мнѣнію, 7000 лѣтъ, и каждый отдѣляется отъ другаго такою же катастрофою, которая отдѣляетъ третичный періодъ отъ настоящаго міра, и результатъ которой описанъ въ гл. 1, ст. 2, кн. Бытія. Для теперешняго міра онъ

также назначаетъ 7000 лѣтъ, за тѣмъ, послѣ шести великихъ міровыхъ періодовъ, наступитъ вѣчная суббота. Онъ говоритъ, что мысль объ этихъ еще не очень великихъ періодахъ творенія онъ заимствовалъ не у какого либо естествоиспытателя, но изъ размышленія о нашемъ мірѣ и о бытописаніи Моисея. Недостатокъ этой книги, обличающей самоучку и наполненной разнообразными, впрочемъ, недозволительными заимствованіями изъ наукъ естественныхъ, состоитъ въ томъ, что авторъ, съ теософическимъ притязаніемъ на оригинальность, самовластно разрѣшаетъ вопросы, подлежащіе исключительно естествознанію, и думаетъ изъ св. Писанія объяснять такія произведенія природы, о которыхъ оно не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека. Такъ образомъ все сочиненіе относится къ категоріи произвольныхъ гипотезъ и отнюдь не пріобрѣтаетъ вѣроятности отъ того, что насквозь проникнуто свойственною оракуламъ самоувѣренностію, горячею религіозною восторженностію и фантастическою живостію изложенія.

Мы окончили критическій обзоръ того воззрѣнія, которое въ 1-й главѣ книги Бытія находитъ описаніе происходившаго, въ продолженіи шести естественныхъ дней; теперь обращаемся

2) къ такимъ богословамъ, которые подъ шестью днями творенія разумѣютъ не дни естественные, но періоды неизвѣстной продолжительности. Поводъ къ такому толкованію 1 гл. кн. Бытія былъ данъ со стороны естествознанія, именно *Кювье*, которому слѣдовали естествоиспытатели *Марсель де Серръ*, *Ружмонъ*, *Гюг-Миллеръ*, *Бенеръ*, *Пфафъ*. Богословы: *Ланге*, *Еббардъ*, *Деличъ*, *Цокклеръ* и въ послѣднее время *Керль* защищали это воззрѣніе со стороны экзегетико-догматической. Къ нимъ слѣдуетъ присовокупить еще нѣхъ богослововъ, которые, какъ напр. *Шульцъ* въ своей «Исторіи творенія» (Гота 1867), хотя подъ библейскими днями разумѣютъ естественные дни, однакожъ видятъ въ нихъ не болѣе, какъ способъ изложенія дѣйствительнаго хода творенія, происходившаго въ теченіи долгихъ

періодовъ, — изложенія, впрочемъ, вѣрнаго, соответствующаго сущности дѣла. Изображеніе этихъ періодовъ, какъ дней естественныхъ, по ихъ мнѣнію, есть дѣло Моисея. Мы не станемъ разбирать этого воззрѣнія съ богословской точки зрѣнія, но укажемъ на его несостоятельность въ естественно-научномъ отношеніи.

Конечно, это воззрѣніе должно возбуждать надежду на дальнѣйшее соглашеніе между свидѣтельствомъ Библіи и естественно-научнымъ пониманіемъ; потому, что оно все-таки допускаетъ толкованіе библейскихъ дней въ смыслъ дней естественныхъ. Но, во первыхъ, не смотря на увѣренія многихъ апологетовъ, мы не можемъ скрыть того обстоятельства, что соглашенію между библейскимъ шестодневомъ и геологическими и уранологическими открытіями, даже при такомъ широкомъ пониманіи шестоднева, совершенно не доспѣетъ несомнѣнной твердости и ясности. Во вторыхъ, въ виду дальнѣйшаго развитія гармонистическихъ попытокъ, которое общаетъ это воззрѣніе, мы должны съ удвоенною заботливостію предостеречь отъ искушенія вторгаться въ богословскую область, и, въ интересъ скораго и легкаго открытія гармоніи между Библіею и естествознаніемъ, навязывать богословію результаты естествознанія.

Даже *Пфафъ*, который въ своей «Исторіи творенія» (Франкфуртъ на Майнѣ и Ерлангенъ 1865) при всей осторожности и естественно-научной самостоятельности, обнаружилъ столько уваженія къ библейскому бытописанію, — но совершенно уберегся отъ этого искушенія. Обобщая геологическіе результаты, онъ говоритъ: «что касается органическаго міра, то онъ начинается царствомъ растительнымъ, за которымъ слѣдуетъ животное царство». Сколько намъ извѣстно, геологія до сихъ поръ знаетъ только объ одно-временномъ появленіи обоихъ этихъ царствъ, и описаніе, предшествующее этому замѣчанію, у самаго Пфаффа, не ведетъ ни къ какому другому заключенію. Можно догадываться, что и та-

кому не совсѣмъ безпристрастному заключенію привелъ естествоиспытателя только библейско-апологетическій интересъ гармонистики.

Керль, напротивъ того, переступаетъ и смѣшиваетъ гораздо болѣе значительныя и отдаленныя границы между богословскими естественно-научными изслѣдованіями. Онъ понимаетъ библейскіе дни творенія не въ смыслѣ дней естественныхъ, а въ смыслѣ періодовъ. Но при этомъ вторгается въ сферу естествознанія и говоритъ о какой-то свѣтло-темной фотосферѣ, которая въ первый день творенія испускалась отъ земли и окружала ее до четвертаго дня. Оставимъ разрѣшеніе такихъ естественно-научныхъ вопросовъ той области, которой они принадлежатъ, если только они могутъ быть разрѣшены и выйти изъ ряда простыхъ гипотезъ. Еще опаснѣе отважность думать, что изъ библейско-экзегетическихъ посылокъ можно вывести способъ происхожденія, наприм., отдѣльныхъ семействъ растений и животныхъ. Если въ первыхъ двухъ главахъ книги Бытія Керль находитъ повѣствованія о двухъ періодахъ творенія животныхъ и растений, и относитъ къ 1-й главѣ повѣствованіе о сотвореніи животныхъ, населяющихъ всю землю, а ко 2-й о сотвореніи животныхъ, обитавшихъ непосредственно подлѣ Едема, въ концѣ шестаго дня: то этотъ предметъ принадлежитъ экзегетикѣ и относится къ внутреннимъ вопросамъ богословія. Но когда онъ хочетъ указать, какія животныя произошли въ одно время, и какія въ другое, когда онъ по закону Моисееву нечистыхъ животныхъ, съ ихъ теперешними представителями, относитъ къ первому періоду, а чистыхъ ко второму, такъ-же дикихъ и плотоядныхъ—къ первому, а травоядныхъ, домашнихъ ко второму,—то онъ требуетъ отъ естествознанія принятія такихъ положеній, о справедливости которыхъ оно одно имѣетъ полное право судить. Но, сколько извѣстно, естественная наука до сихъ поръ не открыла никакихъ данныхъ, которыя могли бы, хотя отдаленно, благопріятствовать

этому принятію; напротивъ всѣ открытія ведутъ къ мысли, что какъ домашнія животныя, равно и чистыя по закону Моисееву, такъ и дикія, и по закону нечистыя, имѣютъ своихъ предшественниковъ въ древнѣйшихъ третичныхъ слояхъ земной коры.

Вообще надобно остерегаться придавать гипотезамъ, и бывше основательнымъ, нежели выше упомянутыя, какое либо другое значеніе, сверхъ того, которое онѣ вообще имѣютъ, какъ гипотезы. Богословская система, поставляющая себя, хотя по нѣкоторымъ отдѣламъ, въ зависимость отъ гипотезъ, при томъ такихъ, которыя по своему существу относятся къ другой наукѣ, — пренебрегаетъ своими собственными основами и подвергаетъ себя опасности быть колеблемою въ своихъ твердыхъ тѣмъ вѣтромъ, который ниспровергаетъ гипотезу. Эта предосторожность въ особенности имѣетъ мѣсто по отношенію къ весьма сомнительнымъ уранологическимъ гипотезамъ. Такова напр. Гершеле-Лапласова теорія происхожденія міра. Она имѣетъ широкое распространеніе въ сферѣ естествознанія и пользуется большими симпатіями въ богословской средѣ, ради той легкости, съ которою она приводится въ соглашеніе съ библейскимъ шестодневомъ, особенно съ отношеніемъ четвертаго дня къ тремъ предъидущимъ. Но она имѣетъ и многихъ противниковъ. Шпильеръ въ послѣднемъ своемъ сочиненіи «Твореніе міра съ точки зрѣнія современной науки» (Берлинъ. 1868), опрокидываетъ эту теорію вверхъ дномъ; тогда какъ Лапласъ заставляетъ выдѣляться изъ туманной массы сначала внѣшнія планеты, напр. Уранъ, потомъ — внутреннее тѣло, солнце, — Шпильеръ ведетъ дѣло наоборотъ, — начинаетъ съ солнца. Мы не произносимъ никакого сужденія о достоинствѣ той или другой гипотезы. Но должно ли, можетъ ли богословіе вообще приставать къ той или другой партіи? Не слѣдуетъ ли ему предоставить разборъ этихъ гипотезъ исключительно естествознанію? Богословіе и естествознаніе должны говорить: *если* та или другая гипотеза вѣрна, то она должна стоять въ такомъ-то отно-

шепіи къ библейскому бытописанію. Въ такомъ смыслѣ пользуется теорією Лапласа Пфафъ, не скрывая своего пристрастія и съ яснымъ сознаніемъ того, что онъ имѣетъ дѣло съ гипотезою. Но никогда апологетика не должна говорить: *поелику* та или другая гипотеза весьма легко согласуется съ библейскимъ повѣствованіемъ, то она—истинна. Такова почти точка зрѣнія у Бёнера (естествоиспытаніе и жизнь культурная).

Отъ теорій касательно происхожденія міра мы, естественно, должны перейти къ вопросамъ о его дальнѣйшемъ развитіи. Ближайшимъ образомъ мы здѣсь разумѣемъ два вопроса, при разрѣшеніи которыхъ опять встрѣчаются обѣ науки, богословіе и естествознаніе; именно—о слѣдствіяхъ грѣхопаденія и о потопахъ.

Въ прежніе вѣка, по состоянію естествознанія, легко можно было представлять, что райская свобода отъ смерти и зла, до грѣхопаденія, распространялась на всю землю,—что слѣдствія, которыя грѣхъ имѣлъ для человѣка и для окружающей его природы, простирались на весь земной шаръ со всѣми на немъ тварями, и наконецъ на весь видимый міръ,—и что только вслѣдствіе грѣхопаденія человѣка зло и смерть вторглись въ царство животныхъ. Мракъ, въ которомъ долгое время лежало для естественной науки состояніе земли до человѣка, давалъ безпрепятственный просторъ всякимъ умозрѣніямъ и фантастическимъ вымысламъ, касательно этого состоянія. Но въ настоящее время, естествознаніе сдѣлало такія открытія, которыя должны весьма значительно сдерживать порывы фантазіи. Именно, естествознаніе доказало, что убійство и смерть царствуютъ въ животномъ мірѣ съ самаго начала —что плотоядные животные во всѣхъ порядкахъ животнаго царства также древни, какъ самый міръ животныхъ,—и что тѣ самые, въ сущности, законы, которые теперь господствуютъ въ мірѣ существъ органическихъ, господствовали еще до появленія человѣка и его первобытной исторіи. Въ виду этихъ фактовъ, конечно, для богословія ничего другого не

остается, какъ признать компетентость естественной науки для разрѣшенія этихъ вопросовъ,—воздерживаться отъ неумѣренности въ раскрытіи теллурическихъ и космическихъ послѣдствій грѣхонаденія,—противъ чего грѣшить напр. *Деличъ* въ своемъ комментарий на книгу Бытія,—и съ новою заботою и энергіею обратиться къ собственнымъ источникамъ и началамъ знанія, дабы твердо держать и обрабатывать то, что изъ нихъ слѣдуетъ; при этомъ пусть богословіе имѣетъ въ виду результаты естествознанія, оцѣниваетъ ихъ по мѣрѣ надобности, но—никогда не поднимаетъ безплодныхъ, ничѣмъ не оправдываемыхъ протестовъ, противъ тѣхъ фактовъ, о которыхъ говоритъ наелеонтологія.

Тоже надобно сказать и о потопѣ. Въ изслѣдованіи объ этомъ событіи входятъ въ соприкосновеніе между собою три науки: богословіе, естествознаніе и исторія; потому-то богословіе должно еще рѣшительнѣе—съ одной стороны—крѣпко держать то, отъ чего оно не можетъ отказаться, и съ другой—объявлять свою готовность каждой изъ двухъ другихъ наукъ предоставлять то, что ихъ касается. Богословіе должно твердо держать ученіе о томъ, что родъ человѣческій погибъ чрезъ потопъ, покрывавшій все мѣсто его обитанія,—за исключеніемъ одного семейства, спасшагося въ ковчегѣ. Хотя и это такіе факты, относительно которыхъ каждая изъ двухъ другихъ наукъ удерживаетъ за собою право подавать голосъ; однакожъ эти факты такъ тѣсно связаны съ дѣломъ спасенія человѣчества, что отказаться отъ нихъ богословіе не можетъ. Къ счастью, это одинъ изъ такихъ пунктовъ соприкосновенія, относительно которыхъ теперь нельзя уже сомнѣваться, что и тогда, когда еще остается *in abstracto* возможность спора между разнородными науками,—на самомъ дѣлѣ одна наука подтверждаетъ показанія другой, по крайней мѣрѣ не оспариваетъ ихъ. А такіе вопросы, какъ наприм., весь ли земной шаръ, или только часть его, обитаемая тогдашнимъ—человѣчествомъ, были покрыты потономъ, или: всѣ ли теперь живущія на землѣ

животныя дѣйствительно происходятъ отъ бывшихъ въ ковчегѣ, или не всѣ,—богословіе спокойно можетъ предоставить естествознанію.

Къ этому отдѣлу нашего критическаго обозрѣнія относится наконецъ вопросъ, который простирается какъ на исторію творенія до человѣка, такъ и на позднѣйшую исторію развитія органическихъ существъ, именно вопросъ о происхожденіи видовъ,—вопросъ, въ недавнее время чрезъ *Дарвина*, давшій поводъ къ доселѣ не прекратившемуся соблазну. Такъ какъ здѣсь дѣло идетъ не столько о естественно-научныхъ фактахъ, сколько о естественно-научной теоріи, которая, по своему предмету, имѣетъ ближайшее отношеніе къ библейскому бытописанію, въ особенности къ третьему, пятому и шестому днямъ творенія: то, кажется, эта теорія непосредственно заинтересовываетъ богословскую науку подвергнуть ее разбору. И въ самомъ дѣлѣ, почти всѣ богословы относятся къ ней или съ любовію, или съ ненавистію. по которымъ они раздѣляются, можно сказать, равномерно. Такъ напр. тѣ изъ богослововъ, которые болѣе благопріятствуютъ пантеистическимъ и раціоналистическимъ воззрѣніямъ, обнаруживаютъ рѣшительнае пристрастіе къ дарвинизму; напротивъ, тѣ, которые держатся направленія теистическаго и положительнаго, питаютъ такую же рѣшительную антипатію къ ней.

Въ виду этого раздѣленія партій, прежде всего надобно сказать, что богословіе собственно не имѣетъ никакого основанія становиться ни *за*, ни *противъ* въ отношеніи къ этой теоріи. Пока Дарвинова теорія ограничивается изслѣдованіемъ способовъ происхожденія видовъ и не поступаетъ въ услуженіе пантеизму или матеріализму, до тѣхъ поръ она не дѣлаетъ ни малѣйшаго ущерба богословскимъ и религіознымъ началамъ, не показываетъ никакого особеннаго избирательнаго сродства ни съ пантеистическимъ міросозерцаніемъ, ни съ теистическимъ ученіемъ о твореніи, и остается исключительнымъ достояніемъ естествоиспытателя.

тельной науки. Ибо, если религія и богословіе относить происхождение видовъ къ творческому, Божественному слову; то этимъ не исключается, что процессъ происхожденія этихъ видовъ, какъ сторона природы, такъ же изволенная и сотворенная Богомъ, можетъ стоять въ связи съ конечною цѣлью причинъ и дѣйствій, проходящей міръ явленій, — связи, о которой ничего не говорятъ ни свидѣтельство Библии, ни религіозное сознаніе, ни богословская наука, оставляя изслѣдованіе и объясненіе ея естествознанію. И наоборотъ, если естественная наука увѣрена, что она можетъ открыть, или уже открыла, тѣ вторичныя причины, которыя обуславливаютъ происхожденіе новыхъ видовъ; то этимъ она еще ничего не высказываетъ ни *за*, ни *противъ* зависимости пово-произведенныхъ видовъ и ихъ ближайшихъ причинъ отъ первой причины, ни о причинѣ всѣхъ вещей, ни о сверхчувственной основѣ подлежащихъ чувствамъ явленій, ни объ ихъ конечныхъ причинахъ, ни объ отношеніи Бога къ міру. Какъ матеріалистъ, на основаніи принципа, требуемаго его міросозерцаніемъ (что не должно быть никакихъ духовныхъ силъ, высшихъ чувственного міра) можетъ наблюденіе естествоиспытателей низвести къ системѣ случайностей (матеріалистъ позволить намъ употребить это хорошо сознаваемой нами *contradictio in adjecto*): точно также и теистъ, вѣрующій въ откровеніе мыслитель, можетъ въ тѣхъ же наблюденіяхъ признавать разнообразные способы, которыми Творецъ открываетъ свое всемогущество и глубину богатства своей премудрости. Поэтому богословія можетъ выжидать, кончится ли, и какъ кончится споръ естествоиспытателей. Только тогда, когда они придутъ къ рѣшительному заключенію по этому вопросу, что едва ли вѣроятно, по недоступности фактовъ, съ которыми они должны имѣть дѣло, только тогда для богословія настанетъ время вступать въ соглашеніе съ такимъ или другимъ опредѣленнымъ результатомъ. Богословское понятіе о Богѣ достаточно твердо и жизненно для того, чтобы

безъ опасенія встрѣтить тотъ, или другой результатъ. Но если ученые натуралисты, защитники дарвинизма, станутъ вторгаться въ собственные предѣлы богословской науки, и изъ своей теоріи захотятъ дѣлать выводы въ ущербъ религіознымъ и богословскимъ началамъ, или если они, какъ сдѣлалъ Д-ръ *Г. Іегеръ* въ своихъ лекціяхъ о «дарвиновой теоріи и ея отношеніи къ нравственности и религіи», захотятъ указывать религіи болѣе или менѣе почетное мѣсто только ради большей, или меньшей ея пригодности для началъ дарвинизма, то боговловіе должно перейти отъ выжидающаго созерцанія къ сопротивленію.

В.) Другое, поставленное нами, условіе соглашенія между обѣими науками, выражено такъ: богословіе не должно допускать своей зависимости отъ естествознанія, не должно принимать отъ него такихъ положеній, которыя стоятъ въ противорѣчій съ основными богословскими началами, или же, наоборотъ, пренебрегать положеніями, которыя вытекаютъ изъ его началъ съ оче-видною внутреннею необходимостію.

Въ критическомъ проведеніи этого канона мы будемъ кратки, потому что, какъ было уже замѣчено, естествознаніе, переходя за предѣлы своей собственной области, имѣетъ дѣло только съ принципами, въ интересѣ отрицанія; а принципы отличаются простотою въ сравненіи съ сложными конкретными случаями, притомъ же отрицаніе безотвѣтно и представляетъ мало разнообразія. Другое замѣчаніе: вторженія естествознанія въ другіе предѣлы собственно не относятся къ этой наукѣ, понимаемой въ ея чистотѣ, потому что она имѣетъ свою собственную область и твердыя границы. Вторженія происходятъ только тогда, когда естествоиспытатели хотятъ, безъ всякаго права, расширить задачу своей науки и подавать голосъ по вопросамъ, лежащимъ за предѣлами ея области.

Мы называемъ вторженіемъ, когда естествознаніе желаетъ

навязать богословію другія, чуждыя ему начала; наприм., когда естествознаніе, имѣющее дѣло только съ явленіями и законами конечнаго міра, начинаетъ говорить о вѣчности во времени, или метафизической безконечности міра, когда изъ своихъ наблюденій надъ причинною связью вещей выводитъ систему детерминизма, въ которой нѣтъ мѣста человеческой свободѣ, вліянію нравственнаго порядка міра на порядокъ физическаго, нѣтъ мѣста божественной причинности, когда естествознаніе въ духѣ пантеизма отрицаетъ область сверхчувственного, или въ духѣ матеріализма отрицаетъ бытіе міра духовнаго, силъ, возвышающихся надъ міромъ матеріальнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ принуждаетъ богословіе къ принятію пантеистическихъ, или матеріалистическихъ началъ своей системы. Въ противоположность такимъ покушеніямъ, богословіе имѣетъ право и обязанность оспаривать у естествознанія право на разрѣшеніе такихъ вопросовъ и удерживать его исключительно за собою.

Это право и обязанность имѣетъ богословіе и тогда, когда естествознаніе, не взирая на пограничную черту, осмѣливается нападать на выводы, слѣдующіе изъ религіозныхъ и богословскихъ началъ, и оспаривать ихъ естественнонаучными средствами.

Мы уже прежде сказали, что предоставляемъ естествознанію вопросы дарвинизма. Но если его послѣдователи выводятъ изъ этой теоріи, что она возбраняетъ переходъ отъ вторичныхъ причинъ, которыя она, по ихъ мнѣнію, открыла, или должна открыть, къ первой причинѣ всѣхъ вещей, или, что она, имѣя возможность согласоваться съ деистическимъ міросозерцаніемъ, отвергаетъ теистическое, отрицаетъ бытіе и дѣйствительность сверхчувственного міроваго порядка въ отношеніи къ подчиненному ему порядку естественному, съ его божественнымъ Управителемъ, или, что она смѣшиваетъ средства, чрезъ которыя происходятъ виды органическаго міра, съ ихъ цѣлями и осуждаетъ телеологическій способъ возрѣнія на эти виды, и, вмѣсто

того, чтобы въ этихъ видахъ признавать творческое дѣйствіе божественной воли, объяснять ихъ игрою безчисленнаго множества эмпирическихъ случайностей: то богословы противъ всего этого должны съ полнымъ правомъ держаться ученія о божественной причинности и цѣлесообразномъ устройствѣ какъ всего міра, такъ и его отдѣльныхъ частей и явленій, съ сознаніемъ, что оно здѣсь пользуется своимъ домашнимъ правомъ, не нарушая ни малѣйшаго права свободнаго изслѣдованія, принадлежащаго естествознанію. Богословію не можетъ служить упрекомъ то, что оно въ этомъ случаѣ слишкомъ по-дѣтски понимаетъ слова Библіи, что Богъ сотворилъ всѣ растенія и животныхъ по роду ихъ: существо истины, между прочимъ, въ томъ и состоитъ, что она вполне удовлетворяетъ какъ дѣтской простотѣ, такъ и глубочайшимъ потребностямъ мышленія.

Равнымъ образомъ, если естествоиспытательная наука, забывая свои границы, не признаетъ, что вмѣстѣ съ человѣкомъ, съ духомъ человѣческимъ вошло въ міръ нѣчто специфически и генерически новое,—если она желаетъ низвести человѣка до естественнаго продукта, только замыкающаго собою низшіе ряды тварей, производить и объясняетъ его существо и бытіе отъ естественныхъ причинъ, дѣйствовавшихъ еще до него,—если она отрицать его богоподобіе, или если она изъ настоящаго состоянія человѣка, подверженнаго грѣху и смерти, дѣлаетъ выводъ, что въ такомъ состояніи человѣкъ и появился на свѣтъ, и если, по-этому, отрицаетъ его первобытную свободу отъ грѣха и смерти, и вмѣстѣ его грѣхопаденіе: то богословіе должно отвѣчать во всѣхъ этихъ случаяхъ, что естествознаніе берется за такіе вопросы, по которымъ рѣшающій голсъ принадлежитъ не ему, а богословію.

Наконецъ, если естествоиспытатель, на основаніи своихъ наблюденій надъ законосообразностію въ мірѣ явленій, заключаетъ къ невозможности услышанія нашихъ молитвъ, изгоняетъ

изъ этого міра чуда, отвергаеъ всеахологическія ожиданія и надежды христіанъ: то для нихъ достаточно того факта, что какъ въ частности естествознаніе не можетъ прослѣдить до послѣднихъ причинъ простаго произвольнаго движенія пальца, и въ своей собственной области не замѣчаетъ постоянно повторяющагося вхожденія нравственныхъ и духовныхъ причинъ въ міръ явленій физическихъ; такъ и вообще не можетъ ничего сказать объ отношеніи сверхчувственнаго міра къ міру явленій, тѣмъ еще менѣе объ отношеніи божественной причины къ системѣ космоса, къ нравственному его порядку и развитію, сколько онъ открывается въ порядкѣ естественномъ, — достаточно для насъ того факта наконецъ, что естествознаніе ничего не можетъ сказать, какъ о началѣ тварнаго бытія, такъ и о его цѣли. Потому богословіе, ничѣмъ не стѣсняясь, можетъ созидать то, что по отношенію къ этой области вытекаетъ изъ собственныхъ его началъ.

Во всемъ доселѣшнемъ изслѣдованіи мы не упоминали объ одномъ пунктѣ, въ которомъ богословіе и естествознаніе входятъ въ соприкосновеніе между собою безъ спора; разумѣемъ вопросъ о *единствѣ рода человѣческаго*. Безъ сомнѣнія, естествознаніе, вмѣстѣ съ исторіею и сравнительною филологіею, имѣетъ право присоединять свой голосъ по этому вопросу. Съ своей стороны и богословіе никакъ не можетъ предоставить рѣшеніе по этому вопросу естествознанію, или какой либо изъ двухъ другихъ наукъ: священное Писаніе и система богословія рѣшаютъ его положительно. Отвлеченно можно представлять и здѣсь, какъ по вопросу о потопѣ, возможность несогласія и не примиримаго противорѣчія между обѣими науками; но въ такомъ случаѣ религиозно-нравственная основа убѣжденія въ единствѣ рода человѣческаго, по его виду и происхожденію, такъ тверда, что богословіе, не смотря ни на какія противорѣчія со стороны естествознанія, должно твердо держаться этого убѣжденія.

Къ счастью, положеніе этого вопроса, равно какъ и вопроса о

потоѣ, въ настоящее время не таково. Именно теперь фактически признано, что естественно-научное, историческое и лингвистическое доказательство единства рода человѣческаго, по существу, составляетъ одинъ изъ тѣхъ свѣтлыхъ пунктовъ, по отношенію къ которымъ разногласіе между науками возможно *in abstracto*, но въ дѣйствительности гармонія ихъ, какъ безспорное положеніе и постулатъ мышленія, лежитъ въ основѣ всѣхъ естественнонаучныхъ изслѣдованій даже тамъ, гдѣ эта гармонія еще не найдена. Только въ томъ естествоиспытатели не согласны между собою, можно ли или нельзя, съ такою же очевидностію доказать мысль о происхожденіи рода человѣческаго отъ одной четы. Трудно предположить, чтобы этотъ вопросъ могъ быть разрѣшенъ чисто естественнонаучнымъ образомъ. Итакъ, если мы, опираясь на религіозно-богословскихъ основанійхъ, должны твердо держаться убѣжденія не только въ единствѣ рода человѣческаго по существу, но и въ единствѣ его по происхожденію: то и на будущее время мы можемъ не опасаться никакого подрыва для этого убѣжденія со стороны естествознанія, хотя бы это послѣднее не подкрѣпляло его никакими доказательствами.

Мы покончили съ разграниченіемъ предѣловъ между богословіемъ и естествознаніемъ. Поставленные нами принципы согласенія весьма не многочисленны, просты, элементарны и притомъ чисто формальнаго свойства. Скажутъ, что мы говоримъ о простыхъ, тривиальныхъ вещахъ; на это мы отвѣтимъ указаніемъ на тотъ, очевидный изъ всего нашего изслѣдованія фактъ, что противъ этихъ элементарныхъ принциповъ часто и много погрѣшали обѣ науки. Въ элементарности этихъ принциповъ, понятности и доступности ихъ для обѣихъ наукъ мы скорѣе видимъ критерій ихъ теоретической правильности и практической примѣнмости; мы убѣждены, что чѣмъ болѣе питомцы обѣихъ наукъ будутъ уважать эти простые принципы, тѣмъ богаче выводами

будутъ ихъ изслѣдованія въ своей собственной области и тѣмъ плодотворнѣе для другой науки.

Послѣ того, какъ мы разрѣшили первую половину задачи — касательно выпрямленія границъ между обѣими науками, намъ предлежитъ остано^{вить} свое вниманіе на другой ея половинѣ — положительныхъ соприкосновеніяхъ между ними.

II.

Обѣ науки, богословіе и естествознаніе, имѣютъ общій предметъ — міръ и человѣка, хотя разсматриваютъ его съ различныхъ точекъ зрѣнія. Но трудъ на одномъ и томъ же поприщѣ ведетъ не только къ раздѣленію, а къ взаимнымъ отношеніямъ, сношеніямъ и взаимнымъ интересамъ; поэтому одна наука находится къ другой не только въ отрицательномъ отношеніи сопротивленія, но и въ положительномъ — сношеніи. Эти отношенія имѣютъ тройкій характеръ; именно онѣ бываютъ частію ограничительныя, частію возбуждательныя, частію плодотворящія.

1) Мы начнемъ съ вліянія богословія на естествознаніе, именно съ того, что не касается богословія непосредственно, и относительно чего оно можетъ дѣлать только заявленія.

Ограничительное вліяніе богословія въ отношеніи къ естествознанію состоитъ, какъ показано выше при разсмотрѣніи втораго нашего условія соглашенія, въ бдительности, съ которою богословіе отражаетъ каждое вторженіе въ ея область со стороны естествознанія. Богословіе преимущественно предъ всѣми другими науками, за исключеніемъ философіи, должно наблюдать за тѣмъ, чтобы естествознаніе воздерживалось отъ подачи голоса по вопросамъ религіознымъ, нравственнымъ и метафизическимъ, такъ какъ естествознаніе имѣетъ дѣло собственно съ міромъ явленій и съ его законами, которые познаются изъ этихъ явленій. Но чрезъ эту бдительность богословіе отнюдь не дѣлается непріят-

нымъ сосѣдомъ для естествознанія, напротивъ имѣеть возможность оказывать и дѣйствительно оказывало естествознанію существенную услугу. Такъ наприм. въ антропологическихъ изслѣдованіяхъ богословіе разграничиваетъ, что относится къ нему, и что къ естествознанію, и такимъ образомъ облегчаетъ для этого послѣднюю возможность обратить всю свою энергію на то, что собственно ему принадлежитъ и увольнять себя отъ безплодныхъ и не нужныхъ для него умозрѣній. А въ вопросахъ космологическихъ, исключительно присвоивъ себѣ изслѣдованіе объ отношеніи Бога къ міру, богословіе возбуждаетъ естественныя науки къ безпрепятственному изслѣдованію въ принадлежащей имъ области конечнаго міра. То обстоятельство, что теперь естественная наука совершенно отвернулась отъ натур-философіи Шеллинга и Стеффенса и отъ построеній природы Гегеля, только на половину (хотя и на бѣльшую половину) находятъ свое объясненіе въ упорствѣ, съ которымъ эмпирическіе факты не поддаются напередъ построенной системѣ. Существенная услуга, оказанная реакціи реализма противъ идеализма предшествующихъ поколѣній, реакціи въ настоящемъ случаѣ справедливой и необходимой, должна быть приписана той рѣшительной энергіи, съ которою богословіе отказалось признавать эти натур-философическія системы въ своей собственной области.

Не будемъ умалять значенія и тѣхъ положительныхъ возбужденій, которыми естествознаніе непосредственно обязано богословію. Многія выраженія св. Писанія о предметахъ и событіяхъ, которыя составляютъ также предметъ естествоиспытанія, нѣсколько разъ, даже въ настоящемъ столѣтіи, представляли для натуралистовъ поводъ обратить на эти предметы особенное вниманіе. Даже тѣ вторженія въ область естествознанія, которыя дозволяло себѣ богословіе и о которыхъ мы говорили выше, имѣли не только тотъ результатъ, что естествознаніе всегда отражало ихъ, но и тотъ, что оно подвергало точнѣйшему, нежели прежде, изслѣдо-

ванію именно тѣ самые вопросы, по поводу которыхъ дѣлалось вторженіе со стороны богословія. Естествознаніе получило отсюда большія выгоды. Всѣ вопросы касательно исторіи развитія земли и вселенной, которыми въ настоящее время занимаются столько изслѣдователей,—вопросы о первобытномъ состояніи земли и небесныхъ тѣлъ, о послѣдовательности въ появленіи организмовъ, о единствѣ человѣческаго рода, о катастрофахъ земныхъ во времена, ближайшія къ первобытной исторіи человѣка, были частію первоначально вызваны, частію возбуждены вновь библейскими повѣствованіями о сотвореніи земли и человѣка, о потопѣ и съ нимъ сопряженныхъ обстоятельствахъ, и богословскими изслѣдованіями объ этихъ повѣствованіяхъ.

Но существенное вліяніе богословской науки на естествознаніе имѣетъ болѣе положительный, плодотворный характеръ. Мы говоримъ такъ, не опасаясь упрека въ томъ, что прежде назначили для богословія самостоятельную, отдѣльную отъ другихъ наукъ область, а теперь опять вводимъ его, какъ бы чрезъ заднюю дверь, въ область естествознанія. Богословіе дѣйствуетъ на естествознаніе положительнымъ образомъ, плодотворно и живительно уже самымъ своимъ существованіемъ. Тотъ простой фактъ, что существуетъ наука о духѣ, о нравственности, о мірѣ сверхчувственномъ, о живомъ и животворящемъ Богѣ, и что эта наука строитъ свою систему на дѣйствительности и фактахъ, имѣющихъ для человѣка такую же, или еще болѣе твердую очевидность своей истины и дѣйствительности, какъ и факты физическаго міра въ области естествознанія, уже этотъ одинъ фактъ, говоритъ, внушаетъ естествоиспытателю мысль, что предметъ и его познанія относится къ высшей и обширнѣйшей области, какъ членъ того организма, котораго господствующая Глава и всеоживляющій Духъ сообщаетъ всѣмъ членамъ, равно и тому, который составляетъ предметъ естествоиспытанія, посвященіе, достоинство и жизнь въ цѣломъ и для цѣлаго того великаго организма. Про-

стой фактъ существованія богословія, служить для естествознанія солью, предохраняющею отъ того, что для всякой жизни и для всякой науки—смерть, предохраняетъ отъ тли изолированности. Оно призываетъ естествознаніе къ союзу съ цѣлымъ, составляемому всѣми науками, къ зависимости отъ Того, въ комъ обрѣтается жизнь, первоначально и послѣдняя цѣль всѣхъ наукъ и ихъ предметовъ. И если, наконецъ, естествознаніе постоянно бросается то въ спиллу, то въ харибду, или теряясь въ морѣ частностей, или оцѣпенѣвая въ схематизмѣ классификацій и отвлеченностей; то высказывающееся здѣсь неотразимое, но тѣмъ не менѣе инстинктивное стремленіе возводится на высоту сознательнаго, твердо обоснованнаго постулата, именно посредствомъ богословія. Когда естествознаніе погружается въ подробность конкретных изысканій, то только наука о духѣ, а въ особенности богословіе, напоминаютъ естествознанію, что научное достоинство имѣютъ только тѣ изысканія, которые направляются съ общей точки зрѣнія и укладываются въ системѣ познанія всего сущаго. Эти науки, слѣд., и первѣе всѣхъ богословіе, имѣютъ значеніе сознательно научной двигательной силы. Слѣдуя возбужденію этой двигательной силы, естествознаніе вполнѣ научно и сознательно дѣлаетъ изысканія, устанавливаетъ классификаціи и законы, и наконецъ достигаетъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ всего, ей доступнаго, съ полною, благотворною для всякаго рода изысканій увѣренностію, которую сообщаетъ ему богословіе, что во всѣхъ открываемыхъ законахъ, во всѣхъ классификаціяхъ и системахъ, заключаются для естествознанія не простыя логическія обобщенія, не простыя пособія для наблюдающей мысли, не просто только удовлетвореніе требованіямъ логики; но и возможность познавать въ нихъ, на сколько они соотвѣтствуютъ дѣйствительности, телеологическія мысли живаго Виночника всего этого міра.

2. Не меньше и услуги, оказываемыя богословію естествознаніемъ.

Прежде всего, конечно, влияние его на богословие ограничивающего и удерживающего свойства. Обращаясь къ исторіи, можемъ видѣть, съ какимъ упорствомъ возставали противъ коперниковой системы не только церковныя власти, но и богословы предшествующихъ вѣковъ, какъ они, на основаніи встрѣчающихся въ Библии выраженій о восходѣ и заходѣ солнца, о столпахъ земли и подобныхъ, хотѣли перестроивать все естественно-научное міросозерцаніе. Обращаясь къ настоящему времени, не можемъ не замѣчать, какимъ грезамъ предавались, не справляясь съ естественно-научною очевидностію, касательно міроваго развитія, якобы на основаніи 1-й и 2 гл. Бытія, касательно всемірныхъ послѣдствій грѣхопаденія, опираясь на 3-ю главу кн. Бытія и 8-е посланіе къ Римлянамъ, касательно распространенія потопа, будто держась гл. 6—8 книги Бытія. Мы обязаны естествознаніемъ тѣмъ, что оно, своими открытіями, предохраняетъ богословіе отъ опасностей неестественнаго буквализма, испсихологическаго экзегеза и чуждыхъ всякой опоры фантастическихъ вымысловъ; все это преимущественно есть дѣло естествознанія. Тѣмъ самымъ, что естествознаніе отражало въ вторженія со стороны богословія въ ея область, оно оказало богословію существенную услугу: богословіе стало ограничиваться своею собственною областію; здѣсь нищеть и обрѣтаетъ собственно принадлежащую ему силу и достигаетъ свободнаго и большаго развитія. Это самая важная заслуга естествознанія.

Кромѣ этой отрицательной услуги, ограниченія и сдерживанія, естествознаніе имѣетъ на богословіе влияние возбуждающее.

Къ такимъ возбужденіямъ относятся представляемые со стороны естествознанія поводы къ точнѣйшему выясненію различія между Божественнымъ и тварнымъ, сверхчувственнымъ и эмпирическимъ, нравственнымъ и физическимъ въ богословскихъ системахъ. Далѣе — къ указанію и научному опредѣленію отношенія между первопричиною и вторичными причинами, высшими и низ-

шими законами и силами, между развитіемъ во времени и его началомъ и концомъ. Но преимущественно здѣсь разумѣется необходимость точнѣйшихъ экзегетическихъ и догматическихъ изслѣдованій по такимъ пунктамъ и вопрогамъ, въ которыхъ богословіе соприкасается съ естествознаніемъ, и которые каждая изъ этихъ наукъ разрабатываетъ съ своей точки зрѣнія и опираясь на своихъ началахъ.

Мы уже въ первой части нашего изслѣдованія замѣтили, что естественная наука не можетъ допустить такого объясненія 2-го стиха 1-й главы книги Бытія, которое все дальнѣйшее повѣствованіе, начиная съ 3-го стиха, относитъ къ творенію, слѣдующему послѣ геологическаго образованія, и такимъ образомъ разрываетъ связь между настоящимъ и геологическимъ міромъ. Съ естествознаніемъ можетъ быть согласована только такая реституціонная теорія, которая отождествляетъ эту реституцію съ твореніемъ цѣлаго міра, каковъ онъ теперь, т. е. міра, подверженнаго измѣненіямъ и непостоянству, и которая предполагаетъ паденіе ангеловъ происшедшимъ до существованія настоящаго міра, доступнаго естествознанію. Такое воззрѣніе защищаютъ *Деличъ* въ 3-мъ изданіи своего комментарія на книгу Бытія и *Керль*, хотя каждый съ нѣкоторыми особенностями. Пусть это воззрѣніе санкціонировано со стороны богословія, — оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть выведено изъ толкованія 2-го стиха. Этотъ стихъ говоритъ не о катастрофѣ какой либо, а о томъ первоначальномъ состояніи, съ котораго начинается дѣло шести дней, т. е. твореніе того міра, въ которомъ обитаетъ нашъ родъ. Но, если говорятъ, что творенію этого, намъ извѣстнаго матеріальнаго міра, должно было предшествовать твореніе міра чистаго и свободнаго отъ всякаго закона суеты и смерти, и что этотъ міръ высшей организаціи, въ сравненіи съ нашимъ, былъ уничтоженъ въ слѣдствіе грѣхопаденія ангеловъ, дабы дать мѣсто настоящему: то объ этомъ 2-й стихъ не говоритъ ничего. Рѣшеніе этого вопроса зависитъ, съ одной стороны отъ того, дѣй-

ствительно ли изъ свидѣтельствъ св. Писанія о грѣхопадѣніи чловѣка и его послѣдствіяхъ надобно заключать, что и вездѣ, гдѣ царствуютъ смерть и тлѣніе, причиною было предшествовавшее грѣхопаденіе разумныхъ, могущихъ подлежать отвѣтственности существъ. слѣдовательно и въ мірѣ до чловѣка. Съ другой стороны рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ того, дѣйствительно ли св. Писаніе указываетъ или допускаетъ выводить, что грѣхопаденіе ангеловъ сопровождалось послѣдствіями, простирающимися на весь міръ.

На основаніи тѣхъ же геологическихъ фактовъ естествознаніе оказываетъ услугу при объясненіи 1-й главы книги Бытія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорится, что Богъ призналъ добрымъ, какъ порознь дѣло каждаго дня, такъ и въ совокупности *вся елика сотвори*;—при объясненіи повѣствованія 3-й главы о слѣдствіяхъ, которыя имѣло грѣхопаденіе чловѣка для него и для его отношенія къ мѣсту его обитанія, и словъ ап. Павла о подчиненіи твари суетѣ и работѣ тлѣнія (Рим. 8, 19 и дал.). Пусть прежде этихъ геологическихъ открытій было возможно понимать Божеств. сужденіе о совершенствѣ міра въ абсолютномъ смыслѣ, слѣдствія грѣхопадѣнія чловѣка въ космическомъ смыслѣ, а также смотрѣть на подчиненіе твари работѣ тлѣнія, какъ на слѣдствіе грѣхопадѣнія, — пусть въ слѣдствіе этой возможности, не рѣдко дѣлались богатые примѣненія такого пониманія въ научномъ, а еще чаще въ назидательномъ смыслѣ: отнынѣ богословіе увидѣло необходимость подвергнуть эти мѣста пересмотру. Совершенство міра богословіе можетъ и должно понимать только въ смыслѣ относительномъ и теологическомъ, какъ его качество соответствующее Божественнымъ цѣлямъ. Слѣдствія грѣхопадѣнія чловѣка, конечно, должны быть удержаны во всемъ своемъ объемѣ относительно перемѣны, происшедшей съ самимъ чловѣкомъ; также взаимныя отношенія между нимъ и землею съ ея произведеніями и обитателями въ слѣдствіе грѣхопадѣнія, конечно, были нарушены въ своихъ оснѣ-

ваніяхъ и вновь устроены по совершенно другой мѣрѣ, такъ что можно сказать только отрицательно, съ какого пункта берется начало освобожденія и просвѣтленія твари, отложенное чрезъ грѣхопаденіе человѣка съ его слѣдствіями на позднѣйшую эпоху; но нельзя сказать положительно, произошли ли, и какія именно произошли, перемѣны въ твари въ слѣдствіе грѣхопаденія человѣка. Наконецъ апостолъ Павелъ относитъ работу тленія, которой подчинена тварь, не къ грѣхопаденію, но, безъ означенія временной причины, вообще безъ указанія времени, прямо къ волѣ Бога, который въ этомъ актѣ подчиненія уже имѣлъ въ мысли время будущаго освобожденія твари, а вмѣстѣ и внѣдрилъ въ нее чаяніе этого времени, какъ надежду и воздыханіе о немъ. Этотъ экзегетическій фактъ получаетъ отъ геологіи новое побужденіе относить Божественный актъ подчиненія твари суетѣ не къ средѣ міроваго развитія, на примѣръ къ времени грѣхопаденія, а къ его началу. Мы, конечно, только намѣтили экзегетическія и эмпирическія основоположенія для многотрудныхъ богословскихъ изслѣдованій этого вопроса; дальнѣйшія изысканія увлекли бы насъ далеко за предѣлы нашего настоящаго труда.

Геологическія и астрономическія открытія и теоріи послужили для экзегетики, апологетики и библейскаго богословія поводомъ изслѣдовать вопросъ, въ какомъ смыслѣ самъ Бытописатель разумѣетъ дни творенія. Мы знаемъ, что до этихъ открытій *большая часть* толкователей довольствовалась пониманіемъ дней творенія, какъ дней естественныхъ, состоящихъ изъ 24 часовъ. Знаемъ также, что есть и теперь толкователи, которые держатся этого пониманія, они видятъ противорѣчіе его съ фактами естествознанія, но не видятъ въ этомъ обстоятельствѣ повода налагать *вето* на естествознаніе; или же находятъ опасность для основъ вѣры. Не все, однакожь, сохраняютъ такое спокойствіе. Во всякомъ случаѣ, съ чисто экзегетической точки зрѣнія нельзя прійти ни къ какому другому выводу, кромѣ того, что подѣ

библейскими днями, по смыслу Бытописателя, разумѣются дни Божественныя, которые, по тому самому отличаются отъ нашихъ человѣческихъ дней, какъ образецъ изъ его подобія (Urbild v. Abbild). О продолжительности этихъ дней нельзя сказать ничего опредѣленнаго до тѣхъ поръ, пока на этотъ вопросъ не прольется свѣтъ или со стороны болѣе глубокаго разумѣнія слова Божія, или со стороны болѣе обширнаго изслѣдованія Божественныхъ дѣлъ въ твореніи. Въ св. Писаніи, преимущественно на языкѣ пророчесвенномъ, слово *день* употребляется въ болѣе обширномъ смыслѣ; замѣчательно что это самое слово *день* въ Быт. 2, 4. стоитъ въ единственномъ числѣ, хотя оно могло бы тамъ стоять также хорошо и во множественномъ, и что, стоя въ единственномъ числѣ, оно обнимаетъ весь періодъ творенія, непосредственно выше раздѣляемый на шесть дней. Отсюда слѣдуетъ только то, что въ указанномъ мѣстѣ слово «*день*» *можетъ* быть принимаемо въ болѣе обширномъ смыслѣ, но никакъ не то, что именно такъ *должно* быть понимаемо. Важнѣе то, что библейское богословіе можетъ понимать седьмой день, какъ еще продолжающійся день субботнаго покоя Божія. Для этого библейско-богословскаго пониманія твердымъ и рѣшительнымъ основаніемъ служить четвертая глава посланія къ евреямъ, въ которой Апостолъ, ссылаясь на 93 чсаломъ (ст. 11) и на второй и третій стихи 2 гл. книги Бытія, утверждаетъ вѣру, что есть еще субботній покой Божій, въ который войти обѣщано вѣрующимъ. Духъ святой, дѣйствовавшій въ священныхъ писателяхъ, уже въ древнемъ Бытописаніи положилъ зародышъ того ученія, которое въ посланіи къ евреямъ представилъ намъ вполне раскрытымъ. Само бытописаніе весьма знаменательно не упоминаетъ никоимъ образомъ о заключеніи седьмаго дня, что оно дѣлало по отношенію ко вѣмъ предшествующимъ шести днямъ творенія; такимъ образомъ само Бытописаніе отклоняетъ, какъ неумѣстный вопросъ о томъ, что Богъ дѣлаетъ въ восьмой день, девятый и т. д., вопросъ,

неизбѣжно представляющійся при совершенномъ отождествленіи божественныхъ дней творенія съ днями, естественными; изображеніи Божественной седмицы творенія возвышаетъ ее надъ низшею сферою обычнаго хода дней земныхъ. Далѣе: изъ всего характера Бытописанія видно, что дни творенія суть дни Божественные, т. е. не такіе дни, которые уже существовали, или сотворены Богомъ, дабы въ сихъ предѣлахъ совершить извѣстныя дѣла, но такіе, которые произошли отъ самаго дѣла творенія; потому нельзя представлять, чтобы въ эти дни, кромѣ описанныхъ дѣлъ творенія, могло происходить еще другое что либо; напротивъ въ эти дни, не такъ, какъ въ дни естественные, день и дѣло дня совершенно покрывались одинъ другимъ. Достоинствъ вниманія въ настоящемъ случаѣ намекъ, заключающійся въ 89 псалмѣ, молитвѣ Моисея, что тысяча лѣтъ предъ Богомъ, *яко день вчерашній, уже мигомиде*. Кромѣ того, въ Бытописаніи содержится одно повторяющееся обстоятельство, которое запечатлѣваетъ эти дни характеромъ дней божественныхъ, отличныхъ отъ дней естественныхъ это—каждый разъ повторяющіяся слова: *и бысть вечеръ, и бысть утро, день одинъ* и т. д. Отъ чего Бытописатель не сказалъ: и бысть вечеръ, и бысть ночь? Вѣдь онъ, говоря еще о первомъ днѣ, повѣствуетъ объ раздѣленіи между свѣтомъ и тьмою и о наименованіи тьмы ночью. Не отъ того ли что тѣ дни ночей не имѣли, и не могли имѣть какъ дни Божіи (Псалм. 138, 12).

Такое пониманіе библейскихъ шести дней творенія представляетъ не маловажныя выгоды, какъ для богословія вообще, безотносительно, такъ и для соглашенія его съ естествознаніемъ. Для богословія въ этомъ пониманіи заключается основаніе той мысли, что Богъ, подъ формою слѣдующихъ одинъ за другимъ седми божественныхъ дней, шести дней творенія и седьмого дня покоя, благоволилъ открыть человѣку свое всецѣлое отношеніе къ міру во времени, какъ оно должно быть представляемо отъ

начала до конца, и какъ оно дѣйствительно представляется безъ возмущенія, произведеннаго грѣхопаденіемъ. Эта мысль указываетъ человѣку дѣйствительный и достойный Бога образецъ для человѣческаго раздѣленія седмицы на шесть дней работы и день покоя. вмѣстѣ съ тѣмъ такое пониманіе библейскихъ дней указываетъ пунктъ, на которомъ окончательно сходятся богословіе и естествознаніе по отношенію къ этому вопросу. Согласіе ихъ въ настоящемъ случаѣ меньше, нежели думаютъ многіе. На основаніи результатовъ доселѣ сдѣланныхъ изысканій, начатки различныхъ органическихъ царствъ слѣдуютъ одни за другими не совсѣмъ въ томъ порядкѣ, какъ въ библейскомъ шестодневѣ. Низшія растенія и низшія животныя, сколько доселѣ дознано изысканіями, появляются одновременно; о положеніи четвертаго дня Моисея гармонистика не въ состояніи сказать совершенно ничего яснаго. Если согласиться, съ Гудъ-Миллеромъ, что писателю библейской исторіи творенія показано было въ видѣніи шесть великихъ картинъ, какъ вѣрныхъ изображеній дѣйствительности, заимствованныхъ изъ характеристическихъ эпохъ наиболѣе выдающихся періодовъ творенія и что бытописатель въ своемъ повѣствованіи изобразилъ то, что видѣлъ; то, независимо отъ другихъ несообразностей этой гипотезы, слѣдовало бы принять богословски не пригодный способъ изображенія,—первыя животныя были бы сотворены собственно уже въ третій день, а все царство животныхъ водныхъ и летающихъ—только въ пятый—земныхъ въ шестой,—растенія, хотя были бы уже сотворены въ третій день, но многія ихъ семейства, особенно составляющія теперешнюю флору, только—въ четвертый, пятый и шестой; а Бытописатель потому такъ написалъ, что онъ ничего другаго не видѣлъ. Но это значитъ дѣлать насиліе библейскому богословію. Говоря о твореніи съ богословской точки зрѣнія, мы должны всѣ растенія назвать дѣломъ третьяго дня, всѣхъ животныхъ водныхъ и птицъ—пятаго, всѣхъ животныхъ земныхъ—

шестого дня; такъ какъ въ божественныхъ дняхъ день и дѣло дня совершенно покрываются одинъ другимъ. А что отношеніе божественнаго дня къ развитію вещей во времени сокроено въ тайнѣ,—на это апологетика свободно должна согласиться. Итакъ, если, съ одной стороны, богословіе даетъ естествознанію полный просторъ расширять періоды творенія на столько, насколько это требуется по изысканіямъ: то съ другой стороны, достоинъ замѣчанія тотъ фактъ, что великія эпохи развитія земли, сколько о нихъ извѣстно, въ своихъ вершинахъ согласуются съ послѣдовательнымъ порядкомъ библейскаго шестоднева. Второму дню Бытія соотвѣтствуетъ тотъ фактъ естествоиспытанія, что образованію горныхъ хребтовъ предшествовало жидкое состояніе земли; первое появленіе въ массахъ земной флоры падаетъ на время, относительно раннее времени образованія каменнаго угля; первое всеобщее появленіе въ массахъ животныхъ водныхъ падаетъ на время тріасовой, юрской и мѣловой формаций, которое отдѣляется отъ каменно-угольнаго періода обширнымъ промежуткомъ; появленіе летающихъ позвоночныхъ животныхъ, первое появленіе, всеобщее и въ массахъ, земныхъ животныхъ падаетъ на третичный періодъ, на тотъ періодъ, который въ основныхъ чертахъ соотвѣтствуетъ второму, третьему, пятому и шестому днямъ книги Бытія и оставляетъ широкое пространство для четвертаго дня, котораго значеніе доселѣ еще не указано несомнѣнно. Будетъ ли далѣе, и какъ будетъ раскрываться гармонія между св. Писаніемъ и внѣшнею природою,—богословіе можетъ предоставить этотъ вопросъ рѣшенію будущаго; но оно должно удерживать для собственнаго изслѣдованія то, что въ библейскомъ бытосаніи относится къ области Божественнаго откровенія. Что естествознаніе представляетъ ему для объясненія и употребленія, того богословіе не можетъ прямо отвергать, оно должно принимать все это, какъ возбужденіе къ своимъ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ.

Наконецъ богословіе не можетъ отказываться, что естествознание имѣетъ на него и плодотворное вліяніе.

Богословіе, безъ сомнѣнія, имѣетъ свои собственные начала, обладающія сами по себѣ и въ своей совокупности, животворною силою. Эти начала не могутъ быть подчинены никакому вліянію со стороны другой какой либо науки, объ этомъ мы уже говорили, какъ первомъ основоположеніи всякаго соглашенія съ другими науками. Но подобно тому, какъ жизнь человѣческая, разсматриваемая съ различно устанавливаемыхъ точекъ зрѣнія, и въ дѣйствительности разнообразно выражающаяся, имѣетъ въ человѣческой личности свой живой пунктъ единенія, въ которомъ сходятся и соприкасаются между собою различныя точки зрѣнія и разнообразныя выраженія; такъ и въ безусловно-совершенной личности Божіей все, что составляетъ предметъ различныхъ наукъ, имѣетъ свое начало, цѣль и источникъ жизни. Установить это отношеніе всякаго реальнаго и идеальнаго бытія къ Богу, къ Божественной жизни и дѣятельности, есть одна изъ коренныхъ задачъ богословія. Поэтому всякій дальнѣйшій успѣхъ въ познаніи сущаго имѣетъ плодотворное вліяніе на богословіе. Каждое расширеніе нашего познанія о мірѣ, по внутренней связи съ богопознаніемъ, расширяетъ наши познанія о Богѣ, если не по отношенію къ Его премірному бытію, то по отношенію къ Его бытію и дѣйствію въ мірѣ. Съ этой стороны богословское мышленіе весьма много обязано естествознанію.

Въ настоящее время реализмъ господствуетъ во всѣхъ наукахъ, а также и въ естествознаніи. Хотя онъ діаметрально, кажется, противоположенъ идеальному характеру богословія, а потому съ нашей стороны вызываетъ рѣшительное сопротивленіе въ случаяхъ, когда поступаетъ въ услуженіе матеріализму: все-таки реализмъ, устанавливая общія точки зрѣнія въ области совершенно эмпирическихъ изслѣдованій, открываетъ для богословско-религіознаго міросозерцанія такой обширный кругозоръ, на-

кого прежде не бывало. Натур-философія ближайшаго къ намъ и предшествующаго поколѣній давала разнообразныя побужденія многимъ богословскимъ направленіямъ, начиная съ теософическаго мистицизма до умозрительнаго пантеизма; но эти побужденія были не болѣе, какъ только пробы; наиболѣе замѣчательныя направленія богословскаго развитія оставались вполнѣ недоступными для вліянія натур-философіи. Совсѣмъ не то въ настоящее время. Новое, насквозь проникнутое реализмомъ, направленіе естествознанія идетъ такимъ чисто-логическимъ путемъ размышляющаго наблюденія, удерживаетъ такую общую точку зрѣнія, при такихъ широкихъ основныхъ началахъ міросозерцанія,—что единство и гармонія мірозданія, по пространству и по времени, открывается въ размѣрахъ, до настоящаго времени неизвѣстныхъ,—и богословское мышленіе уже никакъ не можетъ безнаказанно уклоняться отъ результатовъ современнаго естествознанія, или игнорировать ихъ. Чисто эмпирическимъ путемъ въ настоящее время получены такія воззрѣнія, которыя представляютъ всюду проникающую связь причинъ и дѣйствій, какъ положенія опыта и наблюденія, бывшія доселѣ не болѣе какъ положеніями теоретическими. Таковы, наприм. въ физикѣ открытія постоянства или сохраненія силъ и механическаго эквивалента теплоты; дальнѣйшимъ послѣдствіемъ этихъ открытій, по всей вѣроятности, будетъ то, что эмпирически будетъ доказано существенное единство такъ называемыхъ невѣсомыхъ подъ родовымъ понятіемъ силы. Въ астрономіи примѣненіе уже указанныхъ физическихъ законовъ и физико-химическихъ изслѣдованій посредствомъ спектральнаго анализа къ отношеніямъ виѣ земныхъ міровыхъ тѣлъ—разительнымъ образомъ выставляетъ единство мірозданія, сродство составныхъ частей различныхъ міровыхъ тѣлъ съ составными частями солнечной системы и нашей планеты; кромѣ того представляетъ величественное подтвержденіе тѣмъ богословскимъ воззрѣніямъ, по которымъ небо поставляется не въ области неподвижныхъ звѣздъ, а переносится

въ область вышемірную. Въ геологіи каждый годъ новыми фактами выясняется и подтверждается то основное положеніе ея, что есть существенное тождество между древними и новыми дѣятелями въ образованіи земли, не смотря на различіе въ силѣ при ихъ появленіи. Это основное положеніе служитъ свидѣтельствомъ единого плана въ твореніи міра. Въ особенности палеонтологія, самая юная изъ всѣхъ естественныхъ наукъ, выставляетъ эту истину со всею свѣжестью своей молодости и юности. Многое эта наука должна была изучить въ теченіи немногихъ годовъ, можетъ быть многое отложить въ сторону; но одно она навсегда вызвала на свѣтъ изъ могилы первобытныхъ скалъ, это—познаніе гармоніи, постепеннаго развитія всѣхъ органическихъ существъ, растений и животныхъ отъ древнѣйшихъ фукоидовъ и др. до позднѣйшаго и высшаго творенія на землѣ, человека. Надобно понимать это постепенное развитіе не въ томъ смыслѣ, будто каждый разъ, когда на геологической лѣстницѣ формаций появляется новый классъ организмовъ, первые его представители принадлежатъ къ низшимъ родамъ и видамъ этого класса; часто бываютъ случаи противоположные, и только въ цѣломъ и въ большихъ размѣрахъ, въ прогрессѣ классовъ и порядковъ, можно доказывать этотъ законъ постепеннаго развитія. Не надобно также понимать прогрессъ въ томъ смыслѣ, будто геологія въ этомъ случаѣ содѣйствуетъ дарвинизму; потому что, за исключеніемъ низшихъ и для различенія родовъ не существенныхъ раковинъ моллюсковъ, геологія не указываетъ ни одной въ собственномъ смыслѣ переходной формы отъ одного вида къ другому. Постепенное развитіе, а вмѣстѣ и достоинство познанія о немъ для богословія состоитъ въ томъ, что во всѣхъ родахъ и классахъ погибшихъ и теперь живущихъ организмовъ высказывается не только законъ постепеннаго развитія во времени ихъ появленія, но связь единого плана, не матеріальнаго, разумнаго свойства, который, однимъ словомъ, есть Божественная мысль.

Этот планъ, насколько онъ изслѣдованъ въ классификаціи высшихъ организмовъ, позвоночныхъ животныхъ, состоитъ въ томъ, что отдѣльные классы, роды и виды суть видоизмѣненія одного и того же основнаго типа,—типа, который во всѣхъ видоизмѣненіяхъ познался, какъ ихъ незримое единство, какъ ихъ идеальный основной планъ. Планъ состоитъ въ томъ, что видоизмѣненія и развитія имѣютъ идеалъ, къ которому онѣ стремятся, и къ которому приближаются съ большею и большею опредѣленностію и совершенствомъ; этотъ идеалъ всѣхъ видоизмѣненій и развитій одного основнаго типа есть человѣческое тѣло. Мы заимствуемъ это положеніе не у богослововъ и не у философовъ, хотя и тѣ и другіе высказывали подобное, въ смыслѣ предчувствія, или постулата, но у мужей естествознанія. Назовемъ двухъ, замѣчательнѣйшихъ изъ ихъ представителей. *Рихардъ Оуенъ*, профессоръ въ Лондонѣ, такъ обобщаетъ выводы палеонтологическихъ изысканій и сравнительной анатоміи: «идеальный человѣкъ существовалъ на землѣ съ перваго начала организмовъ». *Агассицъ* высказываетъ ту же истину въ слѣдующихъ словахъ: «человѣкъ есть цѣль, къ которой стремилось все животное твореніе, начиная съ перваго появленія первыхъ палеозойскихъ рыбъ.» Такимъ образомъ геологія и сравнительная анатомія доказываютъ единство плана въ развитіи различныхъ организмовъ; а физиологія растений и животныхъ, посредствомъ химическихъ и микроскопическихъ изслѣдованій, указываютъ на единство въ жизненныхъ отправленияхъ. Кратко сказать, въ настоящее время едва ли есть хоть одна существенная наука, которая бы въ caosъ своихъ специальныхъ изслѣдованій когда либо не открывала единого и простаго начала и плана бытія и жизни,—которая бы, по тому самому, что изъ простаго и единого нельзя еще объяснить всего разнообразія и цѣлесообразности, не указывала на вышнемірную и разумную причину міра.

Богословію остается радоваться такимъ воззрѣніямъ, кото-

рыя для него открываются, въ особенности, когда въ оцѣнкѣ этихъ воззрѣній оно сходится съ такими замѣчательными представителями естествознанія, какъ наприм. съ *Р. Майеромъ*, открывшимъ механическій эквивалентъ теплоты. На послѣднемъ сѣздѣ естествоиспытателей въ Иннсбрукѣ Майеръ заключилъ свой докладъ такими словами: «отъ полнаго сердца возглашаю: истинная философія можетъ и должна быть ничѣмъ другимъ, какъ пропедевтикою къ христіанской религіи». Пусть богословіе ищетъ соглашенія съ естествознаніемъ на этомъ пути взаимнаго признанія и уваженія,—и вмѣсто того, чтобы занимать неудобную позицію, съ которой его можетъ вытѣснить каждое движеніе въ ея собственной, или въ сосѣдней области,—пусть оно, для своей собственной пользы занимаетъ мѣсто, вмѣстѣ съ естествознаніемъ и съ его результатами, въ той области, о которой сказалъ Апостолъ: *вся ваша суть* (1 Кор. 3. 22).

Пр. В. Д-ій